
Полина КОНДРАТЕНКО

НОМЕР «ОСЕНЬ»

Номер один: в жанре болотного романса

Пело лето желторото —

стал густ август: гать
плачет, клюквится болото.
Время вышибать
птичьим клином у сапера
кочки из-под пят.
Станет лето желтоперо,
клены полетят —
пятипалые приветы
весям, всем и вся.
Мне б на время ляпнуть вето,
но, увы, нельзя.
Мне кроссовки не волочь бы,
только льют в носок
заболоченные почвы
черноречный сок.
Поскользнусь, сползу с каемки —
бревен ряд коряв,

а душа моя — котенки,
шалопалый шкряб.

Номер два: голодные штудии

Под заеженным каштаном
собираю в горсть решимость,
пузыристый пью архыз.

Полина Игоревна Кондратенко родилась в 1996 году в Санкт-Петербурге. Лингвист, переводчик, автор-исполнитель песен. Выпускник Санкт-Петербургского государственного университета, преподаватель кафедры немецкой филологии СПбГУ. Лауреат международного молодежного поэтического конкурса им. К. Р., Санкт-Петербургского конкурса молодых переводчиков «Sensum de Sensu», международного фестиваля-конкурса поэзии и поэтических переводов «Берега дружбы», межрегионального фестиваля-конкурса им. Евгения Гусева «Яблочный Спас». Участник литературных форумов и арт-резиденций: всероссийского семинара-совещания «Мы выросли в России», Форума молодых писателей России, стран СНГ и зарубежья «Липки», Переводы опубликованы в журнале «Перископ». Живет в Гатчине.

В пантеоне за фонтаном
сяду потянуть лапши воз,
каравай гранитный сгрызть.
Осмотрю мослы запястья:
между Сциллой и Харибдой
перерывчик небольшой.
Что за странная напасть? Я
правдой сыт по горло, кривдой
фарширован хорошо,
не баттутой — зубочисткой
такты жизни отбиваю:
розовей да здоровей!
Но смотрю — бредет костистой
тенью мой двойник по краю
книг — без икр и кровей.

Номер три: старая книга

Антибиотик не попал —
и я умру от сентября.
Симптомы, как девятый вал,
хлестнули сердце. Бред творя,
я претворяю сложный слог
в бессвязность взорванных лексем.
Я снова боли пью глоток,
протягивая в небо всем
потокам дождевой воды
тимпан ладони, бубен лба —
и водной дроби череды
ведут по коже желоба,
стирая литер острый дукт
бесследно с тления страниц.

И рассыпается конструкт
на беспорядок единиц.

Номер четыре: зачет истории

Стою: своя в тоску, в несвойственной тоске.
Стеклянные глаза, нажим — и резче
визжит зверек-мелок, придавленный к доске:
поспешно дешевеющие вещи —
предметы речи. Хочешь — слушай, хочешь — нет,
ты сдашь мой курс. Совсем другое дело —
зачет истории. Бери любой билет,
тяни, пока листва не поредела.
На каждой, на бумажной лесополосе
горит, горит задание, и жжется
вопрос под звездочкой: твоей, приветной. Се
ля ви. Не хочешь, но решать придется.

Ограбив грядку, разогнись, в комареве ночной натуры
пойду, как лишний человек твоей, своей литературы.

Электропояс новострой затянет в рюмку, влезет в шлевки
вокзалов. Залы ожиданий в кассы сунут сторублевки.
Я на свою куплю билет, прижмусь им к пропускному кругу.

Окончен дачников сезон — мы неудачники друг другу.

Номер «осень»

На табло снова чартер перчаток и шарфов,
отрешенное солнце целуется вскользь.
Номерные пекарни зовут нас на жар, но
жаль, фальшивый шалфей из кашпо — номер «осень».

В голове — вес словес и словес невесомость:
постсоветские «Вестники» по языкам,
перепетый куплет, невеселая новость
завязались болезненными узелками.

Разве вспомнишь теперь, что рекла нам реклама
на дебелих билбордах с разбитым стеклом?
За лопатками Лета, влетели в дела мы,
но божественным обжигом лоб напекло нам.